

KOTAVA Tela Tamefa Golerava

Piskura : Kotava.org gesia ~ ~ www.kotava.org

Evgeni Zamyatin

ARULA

Verpotam
(1921)

Kalkotavaks : Damien Etcheverry (2018)

Евгений Иванович Замятин

Пещера

Рассказ

(1921)

Преобразователь : Дамянь Эчевери (2018)

Пещера	La Caverne	Arula
<p>Ледники, мамонты, пустыни. Ночные, черные, чем-то похожие на дома, скалы; в скалах пещеры. И неизвестно, кто трубит ночью на каменной тропинке между скал и, вынюхивая тропинку, раздувает белую снежную пыль; может, серохоботый мамонт; может быть, ветер; а может быть — ветер и есть ледяной рев какого-то мамонтейшего мамонта. Одно ясно: зима. И надо покрепче стиснуть зубы, чтобы не стучали; и надо щепать дерево каменным топором; и надо всякую ночь переносить свой костер из пещеры в пещеру, все глубже, и надо все больше наворачивать на себя косматых звериных шкур.</p> <p>Между скал, где века назад был Петербург, ночами бродил серохоботый мамонт. И, завернутые в шкуры, в пальто, в одеяла, в лохмотья, — пещерные люди отступали из пещеры в пещеру. На покров Мартин Мартиныч и Маша заколотили кабинет; на казанскую выбрались из столовой и забились в спальне. Дальше отступать было некуда; тут надо было выдержать осаду — или умереть.</p> <p>В пещерной петербургской спальне было так же, как недавно в Ноевом ковчеге: потопно перепутанные чистые и нечистые твари. Красного дерева письменный стол; книги; каменновековые, гончарного вида лепешки;</p>	<p>Des glaciers, des mammouths, des étendues désertiques. Des amas de roches sombres qui, la nuit, ressemblent à des maisons ; au milieu des roches, des cavernes. Pas moyen de savoir qui barrit la nuit sur le sentier empierré passant entre les rochers et, reniflant tout du long, y fait flotter une poussière de neige : peut-être un mammoth à la trompe grise ; peut-être le vent ; mais peut-être le vent n'est-il que le barrissement gelé d'un mammoth du genre roi des mammouths. Une seule chose est claire : c'est l'hiver. Et, pour éviter de claquer des dents, il faut les serrer fort, aussi fort qu'on peut ; et il faut détacher des copeaux de bois avec une hache de pierre ; et toutes les nuits, il faut transporter son feu dans une autre caverne, toujours plus profondément ; et il faut s'envelopper de toujours plus de peaux de bêtes velues...</p> <p>Entre les roches, là où fut jadis Petersbourg, errait la nuit le mammoth à trompe grise. Et, couverts de peaux, de manteaux, de couvertures, de loques — le peuple des cavernes reculait de grotte en grotte. Le jour de l'Intercession, Martin Martinytch et Macha condamnèrent le cabinet de travail ; pour la fête de la Vierge de Kazan, ils déménagèrent, abandonnant la salle à manger pour se tapir dans la chambre à coucher. Il n'y avait pas moyen de reculer davantage ; il fallait à présent soutenir le siège — ou mourir.</p> <p>Dans la chambre-caverne de Petersbourg, c'était à présent comme, un peu plus tôt, dans l'arche de Noé : des créatures propres et d'autres sales, dans le désordre du Déluge. Le bureau de Martin Martinytch ; des livres ; des galettes quasi-préhistoriques ressemblant à des poteries ;</p>	<p>Yono opraxo isu melmakol isu letafe divatce. Yona orikafa pistzuvda mielon tisa vas teca mona ; vanmieae raporka, yona arula. Va lan sulem mielon gilies is walolanis va pistok moe raporafa binka is dure espedawes mekane rogrupet, i va lan ezasis va noldagopa : voxen rotir to melmakol dem lukoptafa sokra ; rotir to suka ; voxen rotir suka anton tir tapanafa iera ke melmakol co tis an melmakol. Ant lancoba tir ringafa : to fentugal dur. Isen, metalgermitatason, gotalgalicarsat, cugeke ; ise va intapaila kan raporkufta goniliksantut ; ise va tey ko ara arula kotmielon goremburet, kotviele loon ilsuyon ; ise gu imkirapafa almaza va int loloon gobesat...</p> <p>Vanmieae pistok, lize Peterburg lekeon tigiyr, tel melmakol dem lukoptafa sokra mielon krabeyer. Isen, diskise va almaza ik lioza ik moek ik florma, sane ke arula betsabetson dun dimelaniyr. Ba tcelmaraviel, Martin Martinitc is Maca va kobarilput istayayad ; ba Ketya ke Kazan jora divsokeyed, jovleson va estuxo az gelbeson ko kenibexo. Loeke dimelanira vol tiyr ; va deblamera re gokorojuyud, oke fu xonukeyed.</p> <p>Koe arulamawa ke Peterburg, coba re tir inde koe kotarn ke Noax lekeon tiyr : dem yon parvuaf tisik isu zionaf, koe volvura ke Kentaregale. Baza ; yona neva ; yona riwe abdiugalafa cowega nutisa tawoldaxa ; 74^e</p>

Скрябин опус 74; уют; пять любовно, добела вымытых картошек; никелированные решетки кроватей; топор; шифоньер; дрова. И в центре всей это вселенной — бог, коротконогий, ржаво-рыжий, приземистый, жадный пещерный бог: чугунная печка.

Бог могуче гудел. В темной пещере — великое огненное чудо. Люди — Мартин Мартиныч и Маша — благоговейно, молча благодарно простирали к нему руки. На один час — в пещере весна; на один час — скидывались звериные шкуры, когти, клыки, и сквозь обледеневшую мозговую корку пробивались зеленые стебельки — мысли.

— Март, а ты забыл, что ведь завтра... Ну, уж я вижу: забыл!

В октябре, когда листья уже пожолкли, пожухли, сникли — бывают синеглазые дни; запрокинуть голову в такой день, чтобы не видеть земли, — и можно поверить: еще радость, еще лето. Так и с Машей: если вот закрыть глаза и только слушать ее — можно поверить, что она прежняя, и сейчас засмеется, встанет с постели, обнимет, и час тому назад ножом по стеклу — это не ее голос, совсем не она...

— Ай, Март, Март! Как все... Раньше ты не забывал. Двадцать девятое: Марии, мой праздник...

Чугунный бог еще гудел. Света, как всегда, не было: будет только в десять. Колыхались

l'opus 74 de Scriabine ; un fer à repasser ; cinq pommes de terres blanches, lavées avec tendresse ; des sommiers en nickel ; une hache ; un chiffonnier ; des bûches. Et, au centre de cet univers, le dieu : un dieu trapu et courtaud, d'un roux tirant sur la rouille, un dieu de caverne, avide d'offrandes — un poêle de fonte.

Le dieu ronflait puissamment. Dans la caverne obscure trônait ce prodige ardent. Les humains — Martin Martinytch et Macha — tendaient leurs bras vers lui en silence, avec vénération et reconnaissance. Pour une heure alors — c'était le printemps dans la caverne ; pour une heure — on pouvait enlever les peaux de bêtes avec leurs griffes et leurs crocs, et, transperçant la couche de glace entourant les cervelles, pointaient de petites tiges vertes — des pensées.

— Mart, as-tu oublié que demain... — si, je le vois bien, que tu l'as oublié !

En octobre, lorsque les feuilles ont déjà commencé à jaunir, à se faner, à se recourber — surviennent des jours aux yeux bleus ; par une pareille journée, en rejetant la tête en arrière pour ne plus voir la terre, on peut encore y croire : la joie est là, c'est encore l'été... Il en va de même avec Macha, en fermant les yeux et en l'écoulant seulement — on peut s'imaginer qu'elle est celle d'avant, qu'elle va se mettre à l'instant à rire, se lever, vous enlacer, alors qu'une heure plus tôt, comme un couteau raclant une vitre — sa voix n'était pas la même, elle n'était pas du tout la même.

— Ah, Mart, Mart ! Comme tout... Tu n'oubliais jamais, avant. Le vingt-neuf : la Sainte Marie...

lexaxa ke Skriabin ; gutcasiki ; aluboya batakafa werna krenugon tcateyena ; rumelaf ricom ; kufta ; felayak ; yon flag. Is, iste bate tame, lorik : alnaf is twistaf lorik, blakeraf nek drajebukaf, arulalorik pegaf gu firviks ; jenukaf bending.

Lorik iptokeper. Koe tapedafa arula, bat lujaf zultik dum moe uskej tigr. Ayik, i Martin Martinitc is Maca, vanon amliton masotced, payuson is munton. Bak tanoy bartiv, kiren imwugal tir, kle bak tanoy bartiv, almaxa dem kotca is dema zo rodeswad numen, rem oprabada aname keraya, kusaf colkam divnid, i trakura.

— Mart, kas al vulkul da eldeon... ? Kle wicki, al vulkul !

Bak taneaksat, viele toa toz tublafotawed ise omwed ise badied, pune faltitakoraf viel dilized ; bak man afizcek, takakadison mea witison va tawava, ware rofolit : daava batlize tigr, ware idulugal tir... Batcoba tir mila icde Maca, itabudeson is anton terektason, rogestison da inya tir tela ke abdiugal, da vere fu kiper aze ranyatar aze va rin kevlicatar, solve weti tanoy bartiv, dum wed aboves va situla, inafa puda tiyir memila, volmila.

— Ax, Mart, Mart ! Dum kotcoba... Gelkeon somevulkuyul. Va tol-san-lerde : i va evla ke Maria Tumtya...

Jenukaf lorik wan felkur. Va mecoba wit, dum

лохматые, темные своды пещеры. Мартин Мартиныч — на корточках, узлом — туже! еще туже! — запрокинув голову, все еще смотрит в октябрьское небо, чтобы не увидеть пожелклые, сникшие губы. А Маша:

— Понимаешь, Март, — если бы завтра затопить с самого утра, чтобы весь день было как сейчас! А? Ну, сколько у нас? Ну с полсажени еще есть в кабинете?

До полярного кабинета Маша давным-давно не могла добраться и не знала, что там уже... Туже узел, еще туже!

— Полсажени? Больше! Я думаю, там...

Вдруг — свет: ровно десять. И, не кончив, зажмурился Мартин Мартиныч, отвернулся: при свете — труднее, чем в темноте. И при свете ясно видно: лицо у него скомканное, глиняное, теперь у многих глиняные лица — назад к Адаму! А Маша:

— И знаешь, Март, я бы попробовала — может, я встану... если ты затопишь с утра.

— Ну, Маша, конечно же... Такой день... Ну, конечно — с утра.

Пещерный бог затихал, съеживался, затих, чуть потрескивает. Слышно: внизу, у Обертышевых, каменным топором щепают коряги от барки — каменным топором колют Мартина Мартиныча на куски. Кусок Мартина Мартиныча глиняно улыбался Маше и молот на

Le dieu de fonte continuait à bourdonner. On n'y voyait rien, comme d'habitude : on aurait de la lumière à dix heures seulement. La voûte sombre et festonnée de la caverne ondulait. Martin Martinytch, accroupi, tout noué — serré, toujours plus serré ! — a la tête en arrière, il contemple le ciel d'octobre — ignorer les lèvres jaunies et déprimées. Et Macha :

— Tu vois, Mart : en chauffant demain dès le matin, on aurait chaud toute la journée, comme maintenant ! Hein ? Bon, il nous reste quoi ? On a bien encore un stère dans le cabinet ?

Depuis longtemps, Macha n'avait pas mis les pieds dans le cabinet glacial, elle ne savait pas que là-bas... Le nœud se resserrait sans cesse !

— Un stère ? Plus que ça ! Je crois que...

La lumière d'un seul coup : il est dix heures du soir. Sans finir sa phrase, Martin Martinytch plissa les paupières et se détourna : la lumière n'arrange rien. La lumière révèle son visage chiffonné, couleur de terre ; beaucoup de gens ont ce visage d'argile, à présent : on remonte le temps — direction : Adam. Et Macha :

— Et tu sais, Mart, je pourrais essayer... peut-être que je me lèverais, si tu chauffais dès le matin.

— Eh bien, Macha, bien sûr... C'est à essayer... Bien sûr, dès le matin...

Le dieu de la caverne baissait d'intensité, s'apaisait, on n'entendit plus qu'un léger crépitement. Ce qu'on entend à présent, c'est qu'en bas, chez les Obiortychev, on fend avec une hache de pierre la coque d'une barque — c'est Martin Martinytch que la hache taille en pièces. Un fragment de Martin Martinytch

gilton : afi ba sane bartiv anton titir. Orikafa is gincakirafa galza ke arula dzavewer. Martin Martinitc, kurdanyes, webokayarsan, lican az lican ! takakadis, va kelt ke saneaksat nyaser, afanason va tublafotaweyes is filtes kutceem. Azen Maca :

— Gildal, Mart ! eldeon tuidulaweson mali gazda, remi afizcek iduletet, dum re ! Xeim ? Ae, tokote wan git ? Ape uma inta koe ilput ware tigr ?

Valevion, Maca va fentunaf ilput me al kolanir, me gruper da banlize... Weboka dun licawer !

— Uma inta ? Loote ! Folí da...

Afi laizon : to sane bartiv sielon tir. Me tenuson va blayak, Martin Martinitc gutasoakser aze rwoder : afi va mecoba vanvur. Afi va inafa felayena is tawukafa gexata razdar ; jontiktan va bata kuritcafa gexata re did : va ugal kadimfit, kali Adam ! Isen Maca :

— Voxen grupel, Mart, co rolagá... pune rotir co ranyá, ede mali gazda co tuidulal.

— Kle, Maca, arse... Batcoba zo golagatar... Arse, mali gazda...

Lorik ke arula tulenoawer, tudiliodawer, ant zagdama zo gilder. Coba re gildena, titeon dene Obyorticev, tir da cewa ke tiv kan raporkufta zo ludzer, to Martin Martinitc kan kufta zo ilboder. Stogoyeks ke Martin Martinitc va kuritcakerca pu Maca maner, plekuson va basalmaks ke rodafa werna ta dibuk ko fadglefasiki, isen ar stogoyeks

кофейной мельнице сушеную картофельную шелуху для лепешек — и кусок Мартина Мартиныча, как с воли залетевшая в комнату птица, бестолково, слепо тукался в потолок, в стекла, в стены: "Где бы дров — где бы дров — где бы дров".

Мартин Мартиныч надел пальто, сверху подпоясался кожаным поясом (у пещерных людей миф, что от этого теплее), в углу у шифоньера громыхнул ведром.

— Ты куда, Март?

— Я сейчас. За водой вниз.

На темной, обледенелой от водяных splashes лестнице постоял Мартин Мартиныч, покачался, вздохнул и, кандално позвякивая ведеркой, спустился вниз, к Обертышевым; у них еще шла вода. Дверь открыл сам Обертышев, в перетянутом веревкой пальто, давно не бритый, лицо — заросший каким-то рыжим, насквозь пропыленным бурьяном пустырь. Сквозь бурьян — желтые каменные зубы, и между камней — мгновенный ящеричный хвостик — улыбка.

— А, Мартин Мартиныч! Что, за водичкой? Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

В узенькой клетке между наружной и

adressait un sourire d'argile à Macha en mettant dans le moulin à café les épiluchures de pomme de terre séchées qui servaient pour les galettes — et un autre fragment de Martin Martinytch, s'envolant comme un oiseau, se cognait à l'aveuglette au plafond, aux vitres et aux murs : « Où trouver du bois ? — où trouver du bois ? — où trouver du bois ? »

Martin Martinytch mit son manteau ; il le ceignit d'une ceinture de cuir (la légende veut, chez les hommes des cavernes, qu'on ait plus chaud comme ça) ; à grand bruit, il cogna un seau contre un angle du chiffonnier.

— Où vas-tu, Mart ?

— Je reviens tout de suite. Je vais chercher de l'eau en bas.

Martin Martinytch resta un moment à se balancer d'un pied sur l'autre en haut de l'escalier sombre et couvert d'éclaboussures gelées, poussa un soupir et, son seau produisant un cliquetis semblable à celui des fers d'un prisonnier, se mit à descendre, vers l'appartement des Obiortychev : ils avaient encore l'eau courante. Obiortychev vint lui-même ouvrir, portant un manteau ceint d'une corde ; il ne s'était pas rasé depuis un bout de temps, et son visage était une sorte de terrain vague envahi par des mauvaises herbes roussâtres et poussiéreuses. À travers les broussailles — des dents jaunes comme la pierre, et entre les pierres — frétillement rapide d'une petite queue de lézard — un sourire.

— Tiens, Martin Martinytch ! Quoi, c'est pour prendre de l'eau ? Entrez, entrez, je vous en prie.

Pas moyen de se retourner, avec le seau,

ke Martin Martinitc dum zveri tictalar aze kev pij is situla is rebava wiiskon klantawer : « Toklize inta rotigir ? toklize inta ? toklize inta ? »

Martin Martinitc va lioza kodiskir ; va leltafa anamba plekur (vunda kalir da arulik batkane loeke iduler) ; lorapason, va muktugu gentim ke felayak taniler.

— Tokliz lanil, Mart ?

— Fure dimlaní. Ta lava titlaní.

Martin Martinitc tice orikaf fogelom dem jontik plawadeleyes bediblaks lanedje zavzagir, nuganugon viklason, aze repaler, azen muktuzanolason dum busum, van kraba ke Obyorticev toz titnir ; banlize dofa lava wan zo xoler. Obyorticev, diskis va lioza dem anambes wazdel miv fenkur ; va int valevion me al tipoker, numen gexata tir teca vria tolgenina gan blakeramafa is gopafa rata. Reme berip, i talga blafotafa dum rapor, is raporiki, ton kaliafa aultzekara ke zoxama, kicera.

— Ox, Martin Martinitc ! Va tokcoba, to ta narira va lava ? Kolanil, djay, djay, djay !!

Martin Martinitc, dem muktukoe darkama wale koef tuvel isu divef, me rovorwoder, larde Obyorticev va inteksa batlize abdaraykar. Martin

внутренней дверью с ведром не повернуться — в клетке обертышевские дрова. Глиняный Мартин Мартиныч боком больно стучался о дрова — в глине глубокая вмятина. И еще глубже: в темном коридоре об угол комода.

Через столовую. В столовой — обертышевская самка и трое обертышат; самка торопливо спрятала под салфеткой миску: пришел человек из другой пещеры — и бог знает, вдруг кинется, схватит.

В кухне, отвернув кран, каменнозубо улыбался Обертышев:

— Ну что же: как жена? Как жена? Как жена?

— Да что, Алексей Иванович, все то же. Плохо. И вот завтра — именины, а у меня топить нечем.

— А вы, Мартин Мартиныч, стульчиками, шкафчиками... Книги тоже: книги отлично горят, отлично, отлично...

— Да ведь вы же знаете: там вся мебель, все — чужое, один только рояль...

— Так, так, так... Прискорбно, прискорбно!

Слышно в кухне: вспархивает, шуршит крыльями залетевшая птица, вправо, влево — и вдруг отчаянно, с маху в стену всей грудью:

— Алексей Иванович, я хотел... Алексей Иванович, нельзя ли у вас хоть пять-шесть полен...

dans le petit espace entre les deux portes, l'extérieure et l'intérieure — Obiortychev entreposait là son bois. Martin Martinytch, l'homme d'argile, se fit mal en se cognant de flanc aux bûches — qui entamèrent nettement l'argile. L'entaille s'approfondit lorsque, dans le couloir plongé dans l'obscurité, il heurta l'angle d'une commode. Traversée de la salle à manger — dans celle-ci, la femelle Obiortychev et trois petits ; la femelle s'empressant de dissimuler une soupière sous une serviette : venant d'une autre grotte, le nouvel arrivant pouvait se ruer dessus pour s'en emparer, allez savoir.

Dans la cuisine, en faisant tourner le robinet, Obiortychev souriait de ses dents de pierre :

— Alors, dites un peu : comment va votre femme ? Hein, comment va votre femme ? Comment va-t-elle ?

— Oh, vous savez, Alexeï Ivanytch, c'est toujours pareil. Elle va mal. Demain, c'est sa fête, et je n'ai plus de bois.

— Mais vous avez des chaises, des armoires, Martin Martinytch... Et des livres : ça brûle parfaitement, les livres, parfaitement...

— Vous savez bien que ce mobilier n'est pas à nous, il n'y a que le piano...

— Vraiment, comme c'est fâcheux ! Comme c'est regrettable !

Dans la cuisine, on entend l'oiseau prendre son vol, ses ailes bruissent, il part sur la droite, sur la gauche — et soudain, désespéré, il heurte le mur de sa poitrine :

— Alexeï Ivanytch, je voulais... Alexeï Ivanytch, il n'y a pas moyen... Juste cinq ou six

Martinitc, i kuritcik, takaklanton va flag kev eliwa volins rotur, numen kuritca zo vangabeper. Ardova loeke zo tusuyar viele in kev gentim ke trayka koe tapedapaf fogelom klantawer.

Remlanira va estuxo, lize Obyorticevya is baroy oc tigid ; ina va aabreak lev fozdema govopalsar : larde ban artlanisik tir ke ara arula, pune rotir vaon fu iper nume di vangir, awe rotir.

Koe burmexo, taceson va keli, Obyorticev kan raportalgeem kicer.

— Kle kalil !! Kas rinafa yerumanikya vinyir ? Vinyir ? Vinyir ?

— Ox, Aleksey Ivanitc, milcoba dun tir. Ina roter. Eldeon to inaf yoltilanuk tir, voxen va inta mea dadí.

— Voxen va rova is rastoka digil, Martin Martinitc... Is va jontika neva : neva anteyawecker, anteyawenyer, arse...

— En grupel da bat gutoem me tir ke cin, ant klawa tir...

— Efe, efe, efe... En batcepena !

Koe burmexo zveri zo gilder : tictalar, wiltlorason, ronon az talton, voxe piksesi va rebava kev ast laizon volins klantar :

— Aleksey Ivanitc, co djumé... Aleksey Ivanitc, kas me co rononarf... va aluboy ik tevoy flag, anton...?

Желтые каменные зубы сквозь бурьян, желтые зубы — из глаз, весь Обертышев обрастал зубами, все длиннее зубы.

— Что вы, Мартин Мартиныч, что вы, что вы! У нас у самих... Сами знаете, как теперь все, сами знаете, сами знаете...

Туже узел! Туже — еще туже! Закрутил себя Мартин Мартиныч, поднял ведро — и через кухню, через темный коридор, через столовую. На пороге столовой Обертышев сунул мгновенную, ящерично-юркую руку:

— Ну, всего... Только дверь, Мартин Мартиныч, не забудьте прихлопнуть, не забудьте. Обе двери, обе, обе — не натописься!

На темной обледенелой площадке Мартин Мартиныч поставил ведро, обернулся, плотно прихлопнул первую дверь. Прислушался, услышал только сухую костяную дрожь в себе и свое трясущееся — пунктирное, точечками — дыхание. В узенькой клетке между двух дверей протянул руку, нащупал — полено, и еще, и еще... Нет! Скорей выпихнул себя на площадку, притворил дверь. Теперь надо только прихлопнуть поплотнее, чтобы щелкнул замок...

И вот — нет силы. Нет силы прихлопнуть Машино завтра. И на черте, отмеченной чуть приметным пунктирным дыханием, схватились насмерть два Мартин Мартиныча: тот, давний, со Скрябиным, какой знал: нельзя — и новый,

bûches...

Les dents de pierre réapparurent à travers les broussailles, ces dents toutes jaunes — à partir des yeux, Obiortychev se recouvrait de dents, des dents toujours plus longues.

— Allons, allons, Martin Martinytch, allons, voyons ! Nous-mêmes n'avons... Vous savez bien comment c'est, à présent, vous le savez bien, vous le savez bien...

Plus serré, le nœud ! Plus serré — encore plus serré ! Martin Martinytch resserra sa ceinture, souleva le seau — et retraversa la cuisine, le couloir sombre, la salle à manger. Sur le seuil de la salle à manger, Obiortychev lui tendit une main de lézard furtif :

— Allez, portez-vous bien... N'oubliez pas de claquer les deux portes, Martin Martinytch, surtout. Les deux portes, les deux, les deux, autrement, pas moyen de garder la chaleur !

Dans le noir, Martin Martinytch posa le seau sur le palier couvert de glace et se retourna pour claquer la première porte. Il prêta l'oreille — il n'entendit que le frissonnement sec de ses os à l'intérieur de son corps, et sa respiration tremblante, faisant comme des pointillés. Tendait la main, il explora le petit espace entre les deux portes - sa main rencontra une bûche, une autre, encore une... Non ! Il se poussa lui-même en vitesse au-dehors et referma à demi la porte. Il restait juste à la claquer pour faire jouer la serrure...

Mais voilà, il n'en avait pas la force. Il ne pouvait pas refermer cette porte sur les espoirs de Macha. Et sur la ligne en pointillés marquée par la respiration à peine perceptible de sa

Raportalgeem reme berip gire awir, i bat blafotackaf olkoy male iteem, Obyorticev gu talga zo besar, i gu talga dure lodabrotcifa.

— Benje, Martin Martinitc, benje, benje ! Dace cin me... Grupeckel inde coba re tir, grupeckel, grupeckel...

Loon licana weboka ! Weboka, dure weboka ! Martin Martinitc va anamba loon licar, va muku levmadar, aze va burmexo az orikaf plor az estuxo volon remelanir. Moe pikay ke estuxo, Obyorticev va nuba ke anyerkafa zoxa sotcer :

— Azen, vickil !! Me vulkul da di budeckel !! Va toloy tuvel, va toloy, va toloy, edeme idul sodivstir !

Koe orika, Martin Martinitc va muku mo tapayas siduk aze ermitatson va taneaf tuvel rwoder. Oblakasotcer voxе va rodafa sustera ke intaf niskeem koe alto anton gilder, is va skotcedasa gandira askisa va tecu vrafu. Nubasotceson, va darkama wale toloy tuvel vestar, nuba va flag kakever, az ar, az ar ware... Me ! Va int mo siduk platir aze va tuvel toz buder. Ware va zatcama ta ixatcara va ludot...

Voxe va diko po dir. Va bat tuvel kev pokolera ke Maca me ronobuder. Numen moe vrafueem tcalan gan inafa gandirama, toloy Martin Martinitc va sint kalliked : bat savsaf, i famik ke Skryabin

пещерный, какой знал: нужно. Пещерный, скрипя зубами, подмял, придушил — и Мартин Мартиныч, ломая ногти, открыл дверь, запустил руку в дрова... полено, четвертое, пятое, под пальто, за пояс, в ведро — хлопнул дверью и вверх — огромными, звериными скачками. Посередине лестницы, на какой-то обледенелой ступеньке — вдруг пристыл, вжался в стену: внизу снова щелкнула дверь — и пропыленный обертышевский голос:

— Кто там? Кто там? Кто там?

— Это я, Алексей Иванович. Я... я дверь забыл... Я хотел... Я вернулся — дверь поплотнее...

— Вы? Гм... Как же это вы так? Надо аккуратнее, надо аккуратнее. Теперь все крадут, сами знаете, сами знаете. Как же это вы так?

Двадцать девятое. С утра — низкое, дырявое, ватное небо, и сквозь дыры несет льдом. Но пещерный бог набил брюхо с самого утра, милостиво загудел — и пусть там дыры, пусть обросший зубами Обертышев считает поленья — пусть, все равно: только бы сегодня; "завтра" — непонятно в пещере; только через века будут знать "завтра", "послезавтра".

respiration, s'affrontèrent, dans une lutte à mort, deux Martin Martinytch : l'ancien, l'amateur de Scriabine, qui le savait : il ne devait pas — et le nouveau, l'homme de la caverne, qui ne savait qu'une chose : il en avait besoin. Grinçant des dents, l'homme de la caverne écrasa l'autre de son poids — et Martin Martinytch, se cassant les ongles, ouvrit la porte, fourra sa main dans le tas de bois — une bûche, une quatrième, une cinquième : sous le manteau, à la ceinture, dans le seau — puis il claqua la porte et hop, retour en haut — en faisant d'énormes bonds de bête sauvage. Au milieu de l'escalier, sur une marche gelée — il se figea soudain, se serra contre le mur : il avait de nouveau entendu la porte cliqueter, en bas, puis ce fut la voix empoussiérée d'Obiortychev :

— Qui est là ? Qui est là ? Qui est là ?

— C'est moi, Alexeï Ivanytch. Je... j'avais oublié la porte... Je voulais... Je suis revenu la fermer...

— C'est vous ? Hmm... Comment avez-vous pu ? Il faut faire plus attention, plus attention. Vous savez bien qu'on vole tout, de nos jours, vous le savez bien. Comment avez-vous pu ?

Le vingt-neuf. Dès le matin, un ciel bas, cotonneux et troué, un souffle glacé passant par les trous. Mais le dieu de la caverne, s'étant rempli le ventre dès l'aube, s'était mis à ronfler avec bienveillance — et tant pis pour les trous, et Obiortychev, tout couvert de dents, pouvait bien recompter ses bûches — peu importait ; seul comptait aujourd'hui ; « demain » ne signifiait rien dans la caverne ; il faudrait des siècles pour que « demain » et « après-demain » reprennent un sens.

grupecker, me gonir, voxen gire ban arulik va antafa gruper : vaon olegar. Talgermitason, i arulik va battel selursur, numen Martin Martinitc, volins empason va vitoda, va tuvel fenkur, va nuba ko ezba kum inta plekur, aze va taneaf flag azu balemeaf azu alubeaf kak lioza, kak anamba, ko muktu, aze va tuvel ermitason buder, aze kalion ticlanir, grablupuson dum govitol. Iste fogelom, moe tapayas avlak, laizon titickewer, kev rebava va int licar : va tuvel gire zanolas su gilder, titeon, azen gopakirafa puda ke Obyorticev tir :

— Toktan banlize tigr ? Toktan ? Toktan ?

— To jin, Aleksey Ivanitc. Jin... va tuvel al vulkú... Djumeyé... Budeteson su dimlaní...

— To rin ? Xum... Tokinde me al askil ? Loeke gonobral !! Loeke !! Grupeckel da kotcoba batugale zo dubier, grupeckel. Tokinde me al askil ?

Ba tol-san-lerde. Mali gazda, omaf kelt kiltakoraf is fekiraf, oprasa sukara remo kote fe. Voxen lorik ke arula, griaeleyes mali vanafiz, rubon toz iptoker, numen aje feeem, isen Obyorticev, dace tis talgakirapaf, va flag gire is ware ropatar, xabe ! ant reviel tir zolonaf ; koe arula « direviel » va mecoba sugdalar ; konaka decemda titid adrafa inde « eldeviel » is « veyeldeviel » va sugdala dimtrasitid.

Маша встала и, покачиваясь от невидимого ветра, причесалась постарому: на уши, посередине пробор. И это было — как последний, болтающийся на голом дереве, жухлый лист. Из среднего ящика письменного стола Мартин Мартиныч вытащил бумаги, письма, термометр, какой-то синий флакончик (торопливо сунул его обратно — чтобы не видела Маша) — и, наконец, из самого дальнего угла черную лакированную коробочку: там, на дне, был еще настоящий — да, да, самый настоящий чай! Пили настоящий чай. Мартин Мартиныч, запрокинув голову, слушал такой похожий на прежний голос:

— Март, а помнишь: моя синенькая комната, и пианино в чехле, и на пианино — деревянный конек — пепельница, и я играла, а ты подошел сзади...

Да, в тот вечер была сотворена вселенная, и удивительная, мудрая морда луны, и соловьиная трель звонков в коридоре.

— А помнишь, Март: открыто окно, зеленое небо — и снизу, из другого мира — шарманщик?

Шарманщик, чудесный шарманщик — где ты?

— А на набережной... Помнишь? Ветки еще голые, вода румяная, и мимо плывет синяя льдина, похожая на гроб. И только смешно от гроба, потому что ведь мы — никогда не умрем. Помнишь?

Внизу начали колоть каменным топором. Вдруг перестали, какая-то беготня, крик. И, расколотый надвое, Мартин Мартиныч одной

Macha se leva et, chancelant sous un vent invisible, se coiffa comme autrefois : en se recouvrant les oreilles et avec une raie au milieu. Et c'était comme la dernière feuille fanée voltigeant sur un arbre dénudé. Du tiroir du milieu de son bureau, Martin Martinytch sortit des papiers, des lettres, un thermomètre, une espèce de fiole bleue (qu'il se hâta de remettre dans le tiroir avant que Macha ne l'aperçoive) — et enfin, cachée dans un coin, une petite boîte recouverte de laque noire : dans le fond de la boîte, il y avait encore du vrai — si, si ! du vrai thé ! Ils burent du vrai thé. La tête renversée en arrière, Martin Martinytch écoutait une voix qui ressemblait tant à celle d'autrefois :

— Tu te souviens, Mart : ma chambre bleue, avec le piano et sa housse, et le petit cheval de bois — un cendrier — sur le piano, et je jouais, et tu étais venu derrière moi...

Oui, ce soir-là avait été celui de la création de l'univers, avec la lune montrant sa face d'une admirable sagesse, et le carillon de la sonnerie dans le couloir, comme un trille de rossignol.

— Et tu te rappelles, Mart : la fenêtre ouverte, le ciel vert — et, en bas, créature d'un autre monde, le joueur d'orgue de Barbarie ?

Où es-tu, merveilleux joueur d'orgue de Barbarie ?

— Et sur la berge... Tu te rappelles ? Les branches encore dénudées, l'eau vermeille — et le dernier bloc de glace bleutée, flottant comme un cercueil. Et ce cercueil nous paraissait seulement comique — parce que nous étions immortels. Tu te rappelles ?

En bas, on se mit à fendre du bois à la hache

Maca ranyar aze yolkason nope merowina suka, dum lekeon va int usukotar : besason va oblakeem is ton istefe tride. Isen batcoba tir dum bocaфа omwesa toa tixulesa moe tulebayan aal. Kou istef klint ke baza, Martin Martinitc va yona eluxaxa isu twa az yankak az teca faltafa fedja (wilupon dimplekuna ko klint moida Maca rokozwir) divplekur, az va tere boram besanaf gu ebeltafo tcaelo palseyen koe alava : ludevon ice bor, ageltafa yelada ware tigrir, gue, gue ! ageltafa yelada ! Sin va ageltafa yelada di ulid. Takakadiyis Martin Martinitc va puda ennutisa tela lekefa terektar.

— Mart setikel : va jinafa faltafa mawa dem klawa is moetc, is va intokolam, is va guboyak moe klawa, isen lexuyú, isen kakeon tigiyl...

En, ban sielcek al tiyir tel ke redura va tame, do tael nedis va utcoranyaf lent, is do biotara ke mamlera koe plor, dum tigrara ke perca.

— Ise setikel, Mart : va fenkun dilk, is kusaf kelt, is titeon va zopousik, i va tisik ke ara tamava ?

Ey zopousik, i zultaf zopousik, toklize tigil ?

— Isen moe temba... Setikel ? Va ware legaf gameem, is va sirendafa lava, is va bocaфи faltamafi opraki ezasi dum nomulk. Isen bat nomulk anton nutiyir buskaf kiren tiyit kruldesaf. Setikel ?

половиной видел бессмертного шарманщика, бессмертного деревянного конька, бессмертную льдину, а другой — пунктирно дыша — пересчитывал вместе с Обертышевым поленья дров. Вот уж Обертышев сосчитал, вот надевает пальто, весь обросший зубами, — свирепо хлопает дверью, и...

— Погоди, Маша, кажется — у нас стучат.

Нет. Никого. Пока еще никого. Еще можно дышать, еще можно запрокинуть голову, слушать голос — такой похожий на тот, прежний.

Сумерки. Двадцать девятое октября состарилось. Пристальные, мутные, старушечьи глаза — и все ежится, сморщивается, горбится под пристальным взглядом. Оседает сводами потолок, приплюснулись кресла, письменный стол, Мартин Мартиныч, кровати, и на кровати — совсем плоская, бумажная Маша.

В сумерках пришел Селихов, домовый председатель. Когда-то он был шестипудовый — теперь уже вытек наполовину, болтался в пиджачной скорлупе, как орех в погремушке. Но еще по-старому погромыхивал смехом.

— Ну-с, Мартин Мартиныч, во-первых-во-вторых, супругу вашу — с тезоименитством. Как же, как же! Мне Обертышев говорил...

Мартина Мартиныча выстрелило из кресла, понесся, заторопился — говорить, что-нибудь говорить...

— Чаю... я сейчас — я сию минуту... У нас сегодня — настоящий. Понимаете: настоящий!

de pierre. Le bruit cessa, il y eut comme une course, un cri. Martin Martinytch se scinda en deux, l'une des deux moitiés voyait l'immortel joueur d'orgue de Barbarie, l'immortel petit cheval de bois, l'immortel bloc de glace, tandis que l'autre moitié — respirant en pointillés — recomptait les bûches avec Obiortychev. Voilà que ce dernier a fini de compter, qu'il met son manteau, il est couvert de dents, il claque la porte et...

— Attends, Macha, je crois qu'on a frappé.

Non, il n'y a personne. Pour le moment. On peut encore respirer, on peut encore rejeter la tête en arrière et écouter la voix — si semblable à celle d'avant.

C'est le crépuscule. Le vingt-neuf octobre est déjà vieux. Des yeux de vieillard, fixes, troubles — sous ce regard fixe, tout se contracte, se recourbe, se recroqueville. La voûte du plafond s'affaisse, les fauteuils s'aplatissent, ainsi que le bureau, Martin Martinytch, le lit et, sur le lit — une Macha de papier, sans épaisseur.

Siélikhov, le président du comité d'immeuble, est venu au crépuscule. Il pesait cent kilos, autrefois, il a fondu de la moitié, il flotte dans son veston comme une noix dans un grelot. Mais il a gardé son gros rire rocailleux.

— Hé b-bien, Martin Martinytch, primo et secundo, félicitations pour la grande fête de votre épouse. Bien sûr ! Bien sûr ! Obiortychev m'a dit...

Martin Martinytch fut propulsé à toute allure hors de son fauteuil, cherchant frénétiquement — parler, dire quelque chose...

— Du thé... je vais tout de suite... à l'instant...

Titeon, kontan va inta kan raporafa kufta toz ludzer. Lor ilpir, teca vultera ve tir, iera. Martin Martinitc ton tola solpewer, bata miala va volawalkes zopousik isu intokolam isu opraki wir, solve bana kagaelasan kene vrafueem va flag do Obyorticev gin patar. Re bantel ten patar aze va lioza kavager, tisa talgakirapafa, aze tuvelermitar aze...

— Kel, Maca !! Kontan cwe su tazer.

Volgue, metan tigur. Men kontan. Ware rovokagaelat, ware rotakakadit, va puda milapafa gu tela lekefa ware rovoterektat.

Nom dur. Tol-san-lerde viel ke saneaksat ixam tir guazaf. Titickaf is skaltaf iteem ke guazik ; nope mana titickafa disukera, kotcoba brumewer, tulivawer, apcawer. Galza ke pij skalawer, iriba tuazekawed, is dace baza, is Martin Martinitc, is ilava, is moe ilava eluxafa Maca volvafa.

Selixov, i okilik ke lipokneda, ba nom al artlanir. Inafo aldo lekeon tiyir vas tanoye grave, voxe likon al jewer, koe femlot dum wikande koe kirma re ezar. Voxe va wevdafe kipepe wan dir.

— Kle ex, Martin Martinitc, taneon is toleon, va rin gu kapapa ke yerumanikyá sendá. Ae ! Ae ! Obyorticev pu jin al kalir...

Martin Martinitc wilupon div iriba zo abduplatir, bolon aneyason va pulvira, va kalira va koncoba...

<p>Я его только что...</p> <p>— Чаю? Я, знаете ли, предпочел бы шампанского. Нету? Да что вы! Гра-гра-гра! А мы, знаете, с приятелем третьего дня из гофманских гнали спирт. Потеха! Налакался... "Я, — говорит, — Зиновьев: на колени!" Потеха! А оттуда домой иду — на Марсовом поле навстречу мне человек в одном жилете, ей-богу! "Что это вы?" — говорю. "Да ничего, — говорит... — Вот раздели сейчас, домой бегу на Васильевский". Потеха!</p> <p>Приплюснутая, бумажная, смеялась на кровати Маша. Всего себя завязав в тугой узел, все громче смеялся Мартин Мартиныч — чтобы подбросить в Селихова дров, чтобы он только не перестал, чтобы только не перестал, чтобы о чем-нибудь еще...</p> <p>Селихов переставал, чуть пофыркивая, затих. В пиджачной скорлупе болтнулся вправо и влево; встал.</p> <p>— Ну-с, именинница, ручку. Чик! Как, вы не знаете? По-ихнему честь имею кланяться — ч.и.к. Потеха!</p> <p>Громыхал в коридоре, в передней. Последняя секунда — сейчас уйдет, или — ...</p> <p>Пол чуть-чуть покачивался, покруживался у Мартина Мартиныча под ногами. Глиняно улыбаясь, Мартин Мартиныч придерживался за косяк. Селихов пыхтел, заколачивая ноги в огромные боты.</p> <p>В ботах, в шубе, мамонтоподобный —</p>	<p>Aujourd'hui, nous avons du vrai thé ! Je viens de le...</p> <p>— Du thé ? C'est que je préférerais du champagne. Vous n'en avez pas ? Sans blague ! Gra-gra-gra ! Vous savez, avec un ami, cela fait deux jours qu'on distille de l'alcool à partir de gouttes de Hoffmann. Qu'est-ce que c'est marrant ! Il était complètement ivre... "Je suis Zinoviev : à genoux ! », qu'il me fait. C'était marrant ! Après, je rentrais chez moi — sur le Champ de Mars, un type en manches de chemise vient à ma rencontre, ma parole ! « Qu'avez-vous ? », je lui demande. « Oh, rien, on vient de me déshabiller, je fonce chez moi, à Vassilievski. » C'était marrant !</p> <p>Aplatie sur le lit, la Macha de papier riait. Réduit à un nœud bien serré, Martin Martinytch riait de plus en plus fort — pour entretenir le feu de Siélikhov, pour qu'il ne s'arrête pas, surtout qu'il ne s'arrête pas...</p> <p>Siélikhov s'arrêta, eut une sorte de reniflement et se tut. Il ballotta à droite et à gauche dans son veston-coquille, et se leva.</p> <p>— Hé bien, madame, votre main. Jébiélo ! Comment, vous ne connaissez pas ? Dans leur jargon : j'ai bien l'honneur — de vous saluer. Jébiélo. C'est marrant !</p> <p>Il tonitrua dans le couloir, dans le vestibule. La dernière seconde — il s'en va, ou alors...</p> <p>Le sol vacilla un peu, sembla tourner sous les pieds de Martin Martinytch. Un sourire d'argile à la bouche, Martin Martinytch se retint au montant de la porte. Siélikhov, haletant, enfonçait ses jambes dans d'énormes bottes.</p> <p>Ayant mis ses bottes et sa pelisse, faisant</p>	<p>— Va yelada... vere... arti tanoya wexa... Revelon va ageltafa yelada dadiv ! Vaon su...</p> <p>— Va yelada ? Va Champagne vor lodamon co albá. Meote dadí ? Tcax ! Gra gra gra ! Grupel, do nik mali tolda va ruyat sol Hoffmann belaxa solpav. Puvegupuv ! In tiyir grijapaf... « Tí Zinovyev : badenyal !! ~ pu jin kalir. » Atedafa ! Azon, denlaní, poke Mars Wirda, bam ayikye ton klaim a femla va jin kevlanir, en ! « Tokcoba tir ? ~ erú. ~ Ox, mecoba, su zo basvagé, ko Vasilyevski denvulté. » Atedackafa !</p> <p>Moe ilava, tuazekayana eluxafa Maca kiper. Ton licapayana weboka, Martin Martinitc lolopoon kiper, enide va tey ke Selixov giskir, enide in dun teyedar, moekote dun teyedar...</p> <p>Selixov nonuwer aze laninde espedar aze stivawer. Koe kulfemla rontalton nyedawer, aze ranyar.</p> <p>— Kle, weltikya, va rinafa nuba. Tcik ! Me grupeckel ? Kan sinafa ludega : va rin poranon kiavá. Tcik. Atedafa !</p> <p>Koe plor evier, koe zeria. Ba bocaf verast, mallanir, oke...</p> <p>Sid daruntemer, leve nugeem ke Martin Martinitc nubanger. Ton kuritcafa kipera bene art, Martin Martinitc va int ben tuvelazwa kagir. Selixov, cepites, va jimateem ko stazapeem vanludevar.</p> <p>Koe stazeem is dem myotlioza, nutipis</p>
---	---	---

выпрямился, отдышался. Потом молча взял Мартин Мартиныча под руку, молча открыл дверь в полярный кабинет, молча сел на диван.

Пол в кабинете — льдина; льдина чуть слышно треснула, оторвалась от берега — и понесла, понесла, закружила Мартина Мартиныча, и оттуда — с диванного, далекого берега — Селихова еле слышать.

— Во-первых-во-вторых, сударь мой, должен вам сказать: я бы этого Обертышева, как гниду, ей-богу... Но сами понимаете: раз он официально заявляет, раз говорит — завтра пойду в уголовное... Этакая гнида! Я вам одно могу посоветовать: сегодня же, сейчас же к нему — и заткните ему глотку этими самыми поленьями.

Льдина — все быстрее. Крошечный, сплюснутый, чуть видный — так, щепочка — Мартин Мартиныч ответил — себе, и не о поленьях... поленья — что! — нет, о другом:

— Хорошо. Сегодня же. Сейчас же.

— Ну вот и отлично, вот и отлично! Это — такая гнида, такая гнида, я вам скажу...

В пещере еще темно. Глиняный, холодный, слепой — Мартин Мартиныч тупо натыкался на потопно перепутанные в пещере предметы. Вздрыгнул: голос, похожий на Машин, на

très mammouth — il se redressa, reprenant son souffle. Après quoi, il prit en silence le bras de Martin Martinytch, ouvrit sans rien dire la porte du cabinet glacial et s'assit, toujours silencieux, sur le divan.

Dans le bureau, le sol n'était qu'une banquise ; la banquise craqua imperceptiblement, se détacha du bord — et emmena Martin Martinytch, le fit tourner loin du bord opposé, celui du divan — on entendait à peine Siélikhov.

— Primo et secundo, cher monsieur, je dois vous dire : ce fumier d'Obiortychev, je l'écraserais comme un pou, ma parole... Mais, vous le comprenez bien : du moment qu'il porte plainte officiellement, du moment qu'il dit : « J'irai demain à la police »... Quelle vermine ! Je ne peux vous donner qu'un conseil : allez le voir aujourd'hui, tout de suite, et enfoncez-lui ces bûches dans la gorge.

La banquise allait toujours plus vite. Minuscule, tout aplati, guère plus visible qu'un copeau, Martin Martinytch répondit — se parlant à lui-même ; et pas au sujet des bûches, mais d'autre chose :

— Très bien. Aujourd'hui même. Tout de suite.

— Eh bien, voilà qui est parfait, voilà qui est parfait ! C'est vraiment un pou, un sale pou, je vous dirai...

Il fait encore sombre dans la caverne. Tel un bloc d'argile froide et aveugle — Martin Martinytch se cognait stupidement contre les objets que le Déluge avait entassés dans la grotte. Il eut un frisson : une voix semblable à

melmakol, vangaeson madagir. Azon, va ma ke Martin Martinitc amliton plekur, aze va tuvel ke fentapaf ilput mekalison fenkur aze, ware amlitas, mo saxatca debanyar.

Koe bazaxo, sid anton tir opruk ; opruk meropestalenon twawer, sol doma iliksantuwer aze va Martin Martinitc solstar, sume volsafa doma bangesir, i sume tela ke saxatca, Selixov nemon zo gilder.

— Taneon is toleon, abegye, gokalí : va bat Obyorticev, dum rifta selutú, folickil... Voxen gildackal : larde in winugon temorar ise kalir « den ardial eldeon lanití »... Man leskoikaj ! Anton ropirdá da va in uleon vere fu kevlanil aze va banyon flag ko inafa arida di vanludeval.

Opruk lokalion dun nir. Pinapaf is azekapaf, rowin nemon loon dam paila, Martin Martinitc unt dulzer ; ise me icde flag vols arcoba :

— Ae. Uleon. Vere dace.

— Kle, batcoba tir kotunafa, kotunapafa ! In en tir rifta, i riftaja, kalití...

Koe arula orika dur. Bro elega kum fentafa is wiiskafa kuritca, Martin Martinitc kev delaxa zuvdayana gan Kentaregale koe arula akoydon tanilewer. Ve suster : puda milafa gu savsafa puda ke Maca kalir :

прежний...

— О чем вы там с Селиховым? Что? Карточки? А я, Март, все лежала и думала: собраться бы с духом — и куда-нибудь, чтоб солнце... Ах, как ты гремишь! Ну как нарочно. Ведь ты же знаешь — я не могу, я не могу, я не могу!

Ножом по стеклу. Впрочем — теперь все равно. Механические руки и ноги. Поднимать и опускать их — нужно какими-то цепями, лебедкой, как корабельные стрелы, и вертеть лебедку — одного человека мало: надо троих. Через силу натягивая цепи, Мартин Мартинич поставил разогреваться чайник, кастрюльку, подбросил последние обертышевские поленья.

— Ты слышишь, что я тебе говорю? Что ж ты молчишь? Ты слышишь?

Это, конечно, не Маша, нет, не ее голос. Все медленней двигался Мартин Мартинич, ноги увязали в зыбучем песке, все тяжелее вертеть лебедку. Вдруг цепь сорвалась с какого-то блока, стрела-рука — ухнула вниз, нелепо задела чайник, кастрюльку — загремело на пол, пещерный бог змеино шипел. И оттуда, с далекого берега, с кровати — чужой, пронзительный голос:

— Ты нарочно! Уходи! Сейчас же! И никого мне — ничего, ничего не надо, не надо! Уходи!

Двадцать девятое октября умерло, и умер бессмертный шарманщик, и льдины на румяной от заката воде, и Маша. И это хорошо. И нужно, чтоб не было невероятного завтра, и

l'ancienne voix de Macha disait :

— De quoi discutais-tu là-bas avec Siélikhov ? Hein ? De cartes de ravitaillement ? Mart, j'étais couchée, en train de me dire : en rassemblant notre courage, aller quelque part, au soleil... Ah, comme tu es bruyant ! Tu le fais exprès, on dirait. Tu le sais, pourtant — je ne peux pas, je ne peux pas, je ne peux pas !

Comme un couteau raclant une vitre. D'ailleurs, à présent, ça n'avait plus d'importance. Bras et jambes mécaniques. Pour les lever et les abaisser, il faut des chaînes et un treuil, comme pour la flèche d'un mât, sur un navire, et un homme ne suffit pas pour faire tourner le treuil, il en faut trois. Tendait les chaînes de toutes ses forces, Martin Martinytch mit à chauffer la bouilloire pour le thé et une petite casserole, et fourra dans le poêle les dernières bûches d'Obiortychev.

— Tu entends ce que je te dis ? Pourquoi restes-tu sans rien dire ? Tu m'entends ?

Cela, bien sûr, n'est pas Macha, ce n'est pas sa voix. Martin Martinytch se déplaçait de plus en plus lentement, ses jambes s'enlisaient dans des sables mouvants, faire tourner le treuil devenait de plus en plus dur. Brusquement, la chaîne d'une poulie cassa, la flèche s'écroula, heurtant fâcheusement la bouilloire et la casserole — tonnerre au sol, et le dieu de la caverne avait des sifflements de serpent. Et de la rive lointaine, du lit — la voix étrangère, stridente :

— Tu le fais exprès ! Va-t'en ! Tout de suite ! Je ne veux voir personne, je n'ai besoin de rien, de rien ! Va-t'en !

Le vingt octobre mourut, et moururent

— Va tokcoba gu Selixov banlize flideyel ? Xeim ? Va kobligasi lipi ? Mart, al senyé, kalison : vanyeson takrelaf az konliz lanison, van awaltxo... Ax, maneke til loraf ! Dovorul, cwe. Neke grupel, me rotaskí, me rotaskí, me rotaskí !

Bro wed kevo situla. Ostik, re, mea zolonafa. Balkafa ma isu nimat. Ta madara ik omara, roda is jenta tid adrafa, dum icde livek ke norisk moe tota, isen tanoy korik me rodejentar, baroy gotid. Cugeke sotceson va roda, Martin Martinitc va lembiesiko ta yelada is milkama mo pozla aykar aze va yon bocaf flag ke Obyorticev kobendingar.

— Va jinafa kalira gidel ? Tokdume wan til mekalis ? Va jin gidel ?

Batcoba, tire, me tir Maca, me tir inafa puda. Martin Martinitc lolovion liziwer, inaf nimateem volins kobixeyawer, isen jentara loloon tuwavdawer. Laizon, roda ke ruza empawer, livek atitsur, mibon klantason va lembiesiko is milka, ~ edi mo sid dur, ~ isen lorik ke arula bro perake azdar. Azen, mal sumefa domega, i mal ilava, divefa puda opagafa :

— Dovorul ! Mallanil !! Vere !! Va metan djuwí, va mecoba olegá, va mecoba ! Mallanil !!

Tol-sane viel ke saneaksat awalker, isen kruldesaf zopousik, is oprafa elega ezasa moe lava tuckerana gan nom, is Maca awalked. Ae.

Обертышева, и Селихова, и Маши, и его —
Мартина Мартиныча, чтоб умерло все.

Механический, далекий Мартин Мартиныч еще делал что-то. Может быть, снова разжигал печку, и подбирал с полу кастрюльку, и кипятил чайник, и, может быть, что-нибудь говорила Маша — не слышал: только тупо ноющие вмятины на глине от каких-то слов, и от углов шифоньера, стульев, письменного стола.

Мартин Мартиныч медленно вытаскивал из письменного стола связки писем, термометр, сургуч, коробочку с чаем, снова — письма. И наконец, откуда-то, с самого со дна, темно-синий флакончик.

Десять: дали свет. Голый, жесткий, простой, холодный — как пещерная жизнь и смерть — электрический свет. И такой простой — рядом с уютгом, 74-м опусом, лепешками — синий флакончик. Чугунный бог милостиво загудел, пожирая пергаментно-желтую, голубоватую, белую бумагу писем. Тихонько напомнил о себе чайник, постучал крышкой. Маша обернулась:

— Скипел чай? Март, милый, дай мне -...

Увидела. Секунда, насквозь пронизанная ясным, голым, жестоким электрическим светом: скорченный перед печкой Мартин Мартиныч; на

l'immortel joueur d'orgue de Barbarie, et les blocs de glace flottant sur l'eau rougie par le crépuscule, et Macha. Et c'est bien. Il ne doit pas y avoir d'improbable lendemain, pas d'Obiortychev, ni de Siélikhov, pas de Macha, ni de Martin Martinytch, que tout meure.

Le Martin Martinytch mécanique et lointain s'activait encore. Peut-être rallumait-il le poêle, ramassait-il la casserole et faisait repartir la bouilloire, et peut-être que Macha disait quelque chose — il ne l'entendait pas : juste la douleur sourde de l'entaille dans l'argile, causée par certaines paroles, par les angles du chiffonnier, des chaises, du bureau.

Martin Martinytch sortait lentement du bureau des paquets de lettres, le thermomètre, de la cire à cacheter, la petite boîte de thé, d'autres lettres. Et enfin, du fin fond du tiroir, dans un coin, la petite fiole bleu foncé.

Dix heures : la lumière était revenue. Une lumière électrique toute nue, âpre, prosaïque et froide — comme la vie dans la caverne, et comme la mort. Tout aussi prosaïque, aux côtés du fer à repasser, de l'opus 74 et des galettes — la petite fiole bleue. Le dieu de fonte bourdonna avec bienveillance en dévorant les lettres au papier blanc, bleui, jauni comme un parchemin. La bouilloire rappela à bas bruit son existence, à petits coups de son couvercle. Macha se retourna :

— Le thé est prêt ? Mart, mon chou, donne m'en...

Elle vit. Une seconde que traversa de part en part la forte lumière électrique, la lumière nue et cruelle : Martin Martinytch blotti devant le poêle ; sur les lettres, un reflet rougeâtre, la teinte

Mek tirodaf direviel, me Obyorticev, mei Selixov, me Maca, mei Martin Martinitc di gotid, kotcoba di gonawalker.

Balkaf is sumef Martin Martinitc wan tir runkaf. Rotir va bending gin turunkar, ike va milka tredur aze va lembiesiko gin turunkar, isen rotir Maca va koncoba kalir, in me gilder : anton va odjafa kranavera ke arдова ko kuritca nope lanyona ewa, nope gentim ke felayak, nope rova ke baza.

Martin Martinitc va yon tweruilt az yankak az rioksebeka az boram dem yelada az aryona twa gu baza vion divplekur. Az tere, alavon icu ludev ke klint va orikafaltafa fedjama.

Ba sane bartiv : afi gin stir. Tralafi afi lebackafi is figafi is vedakorafi is fentafi, dum blira koe arula, is dum awalk. Lion vedakorafa, poke gutcasiki is 74^e lexaxa is cowega, faltafa fedjama. Vumbeson va yona twa kum eluxa batafafa ok tufaltaweyesa ok tublafotaweyesa dum migajey, jenukaf lorik rubon felkur. Lembiesiko va intafa tigira rabenason is sarmukiemeson kimbar. Maca rwoder :

— Kas yelada tir gadiafa ? Mart, abegye, zilil !!

Wir. Bad tanoy verast tralafi afipi remstir, i lebafi is udutafi afi : Martin Martinitc va bending ayater ; moe twa keramafa tcaza, i bia ke lava ba

<p>письмах — румяный, как вода на закате, отблеск; и там — синий флакончик.</p> <p>— Март! Ты... ты хочешь...</p> <p>Тихо пожирая бессмертные, горькие, нежные, желтые, белые, голубые слова — тихонько мурлыкал чугунный бог. И Маша — так же просто, как просила чаю:</p> <p>— Март, милый! Март — дай это мне!</p> <p>Мартин Мартиныч улыбнулся издали:</p> <p>— Но ведь ты же знаешь. Маша: там — только на одного.</p> <p>— Март, ведь меня все равно уже нет. Ведь это уже не я — ведь все равно я скоро... Март, ты же понимаешь — Март, пожалей меня... Март!</p> <p>Ах, тот самый — тот самый голос... И если запрокинуть голову вверх...</p> <p>— Я, Маша, тебя обманул: у нас в кабинете — ни полена. И я пошел к Обертышеву, и там между дверей... Я украл — понимаешь? И Селихов мне... Я должен сейчас отнести назад — а я все сжег — я все сжег — все! Я не о поленьях, поленья — что! — ты же понимаешь?</p> <p>Равнодушно задремывает чугунный бог. Потухая, чуть вздрагивают своды пещеры, и чуть вздрагивают дома, скалы, мамонты, Маша.</p> <p>— Март, если ты меня еще любишь... Ну, Март, ну вспомни! Март, милый, дай мне!</p> <p>Бессмертный деревянный конек, шарманщик, льдина. И этот голос... Мартин Мартиныч медленно встал с колен. Медленно, с</p>	<p>qu'avait eu l'eau au crépuscule ; et là-bas, le petit flacon bleu.</p> <p>— Mart... Tu... tu veux déjà...</p> <p>Dévorant paisiblement les mots amers, tendres, blancs, bleus, jaunes — le dieu de fonte ronronnait doucement. Et Macha, aussi simplement qu'elle avait demandé du thé :</p> <p>— Mart, mon chou ! Mart — donne m'en !</p> <p>Martin Martinytch lui sourit de loin :</p> <p>— Tu sais bien, Macha : il n'y en a que pour une personne.</p> <p>— Mart, de toute façon, je ne suis déjà plus là. Ce n'est plus moi. C'est tout pareil... Mart, tu le comprends bien — Mart !</p> <p>Ah, c'est l'autre voix, la même voix... Et, en renversant la tête en arrière...</p> <p>— Macha, je t'ai menti : il n'y a plus une seule bûche dans le cabinet. Et je suis allé chez Obiortychev et là, entre les portes... J'ai volé — tu comprends ? Et Siélikhov m'a dit... Je dois tout rapporter — mais j'ai tout brûlé, j'ai tout brûlé — tout !</p> <p>Indifférent à tout, le dieu de fonte est en train de s'assoupir. La voûte de la caverne vacille un peu en s'éteignant, comme les maisons, les amas de roches, les mammouths, Macha.</p> <p>— Mart, si tu m'aimes encore... Allons, Mart, rappelle-toi ! Mart, chéri !</p> <p>L'immortel petit cheval de bois, le joueur d'orgue de Barbarie, le bloc de glace. Et cette voix... Martin Martinytch se releva lentement.</p>	<p>nom ; isen banlize faltafa fedjama.</p> <p>— Mart... galpel... ixam djumel...</p> <p>Diliodon vumbeson va pirafa ewa krenugafa ik batafafa ik faltafa ik blafotafa, jenukaf lorik zijnon fremiker. Isen Maca, milinde va yelada opelon al erur :</p> <p>— Mart, abegye ! Mart, zilil !!</p> <p>Martin Martinitc sumuon kicegar :</p> <p>— Grupeckel Maca : ruyat mu tanoy korik umote tir.</p> <p>— Mart, kottode, batlize ixam mea tigí. Miltel mea tí jin. Batcoba tir oltavafa... Mart, gildeckel... Mart !</p> <p>— Ax, to bana puda tir, i mila... Azen, takakadison...</p> <p>— Maca, al rotuxadá : mek flag koe ilput ware tigrir. Isen va Obyorticev al denlaní, numen banlize, wale toloy tuvel... al dubié, gildal ? Isen Selixov pu jin al kalir...Va kotcoba godimzilí, voxé va kotcoba anteyá, va kotcoba ! Me gildal ?</p> <p>Brunaf gu kotcoba, jenukaf lorik toz liuger. Galza ke arula runafiweson daruntemer, dum mona, dum pistzuvda, dum melmakol, dum Maca.</p> <p>— Mart, ede va jin wan renal... Tetce, Mart, setikel !! Mart, abegye !</p> <p>Kruldesaf intokolam, zopousik, opraki. Isen bata puda... Martin Martinitc vion madagir. Vion is porton jentason, va faltafa fedja mou azega</p>
---	--	--

трудом ворочая лебедку, взял со стола синий флакончик и подал Маше.

Она сбросила одеяло, села на постели, румяная, быстрая, бессмертная — как тогда вода на закате, схватила флакончик, засмеялась.

— Ну вот видишь: недаром я лежала и думала — уехать отсюда. Зажги еще лампу — ту, на столе. Так. Теперь еще что-нибудь в печку — я хочу, чтобы огонь...

Мартин Мартиныч, не глядя, выгреб какие-то бумаги из стола, кинул в печь.

— Теперь... Иди погуляй немного. Там, кажется, луна — моя луна: помнишь? Не забудь — возьми ключ, а то захлопнешь, а открыть — ...

Нет, там луны не было. Низкие, темные глухие облака — своды — и все — одна огромная, тихая пещера. Узкие, бесконечные проходы между стен; и похожие на дома темные, обледенелые скалы; и в скалах — глубокие, багрово-освещенные дыры: там, в дырах, возле огня -на корточках люди. Легкий ледяной сквознячок сдувает из-под ног белую пыль, и никому не слышная — по белой пыли, по глыбам, по пещерам, по людям на корточках — огромная, ровная поступь какого-то мамонтейшего мамонта.

Faisant lentement et péniblement tourner le treuil, il ramassa la fiole bleue sur la table et la tendit à Macha.

Rejetant la couverture, elle s'assit sur le lit, toute rose, vive, immortelle — comme alors l'eau au crépuscule, elle s'empara du flacon et se mit à rire.

— Hé bien, tu vois : ce n'est pas en vain que je suis tant restée couchée, à penser à quitter ce endroit. Allume une autre lampe — celle-là, sur la table. Voilà. Maintenant, mets encore quelque chose dans le poêle.

Au hasard, Martin Martinytch retira d'autres papiers du bureau et les fourra dans le poêle.

— Maintenant... Va faire un tour. La lune est dans le ciel, je crois — Ma lune : tu te rappelles ? N'oublie pas d'emporter la clé, autrement, la porte va claquer et tu ne pourras pas...

Non, la lune n'était pas visible. D'épais nuages noirs formaient une voûte basse — tout n'est qu'une immense caverne silencieuse. À l'infini, des passages étroits entre les murs ; et des amas de roches sombres et couvertes de glace, ressemblant à des maisons ; et au milieu des rochers — des trous profondément creusés, rougeoyant ; dans ces trous, des humains accroupis près du feu. Un petit courant d'air glacé court à leurs pieds, soufflant une poussière blanche et, sans que personne ne l'entende — dans la poussière blanche, par les blocs de pierre et les cavernes où se serrent les gens accroupis — de sa démarche de mammoth, erre le roi des mammoths.

tredur aze pu Maca abduatcer.

Kadison va moek, Maca mo lava debanyar, i Maca raltadukafa is blifa is kruldesafa, dum lava ba nom, va kurdaga koilkar aze toz kiper.

— Kle, wickil : me giopon jontikedje al senyeyé, larde undeyé kane va bato xo fu robulut. Va ar gum turunkal, va bata moe azega. Ae. Re va koncoba ko bending gin plekul !!

Xuye Martin Martinitc va aryona eluxaxa divbazar aze kobendingar.

— Re... Fu gozamal !! Tael koe kelt tigrir, cwe, jinaf tael : setikel ? Me vulkul da va tselka doon naril, kiren edeme tuvel al ermitaweter numen me rokolanitil...

Me, tael me zo wir. Ebeltaf rujodap va omafa galza tazukad, kotcoba anton tir amlitafa datafa arula. Teniskon, yona vwepafa berla wale rebava ; isen zuvda dem orikaf pist besayan gu opra is tis dum mona ; isen vanmaie pistok yone fe suxapafe is tukerawese ; koe batyone fe, ayik kurdanyes poke tey. Fentapaf gaelsaltam tito sin nir, sukseson va batakafa gopa, isen gildenon gan metan, koe batakafa gopa is walo raporcka is koo arula lize kurdanyes korik tanded, ton godela ke melmakol, an melmakol kraber.